

II. ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2019-8-2-632-640>

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ПЕРЕВОДА СТАТЬИ Н. ГАРТМАНА «ГЕГЕЛЬ И ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОЙ ДИАЛЕКТИКИ»

ЕКАТЕРИНА АНАНЬЕВА

Кандидат философских наук, старший преподаватель.

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии.

199034 Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: e.ananeva@spbu.ru

Статья немецкого философа первой половины XX века Николая Гартмана дает представление о его позиции в противостоянии ведущих реалистических философских проектов XIX и XX века. Воспитанный в неокантианской традиции Марбургской школы, Николай Гартман уже в своих ранних работах (посвященных проблеме бытия в доплатоновской философии и о философских основаниях математики Прокла Диадоха) проявил свой интерес к онтологической проблематике и двинулся трудным путем полемики и даже противостояния с воспитавшей его школой, аргументы в обоснования своей позиции он сформулировал в работах 20-30-х годов. Проект «новой онтологии» был полемически заострен не только против гносеологизма неокантианской традиции, но и предполагал свой взгляд на развитие феноменологической философии. Одним из ранних лейтмотивов этой концепции Гартман избрал противопоставление логической и онтологической действительности, к этой теме в дальнейшем закономерно присоединился интерес к категориальному анализу и априоризму. Категории онтологии оказались поэтому одним из узловых пунктов заявляемой теории. Опубликованная впервые в „Blätter für Deutsche Philosophie“ за 1935 год, статья «Гегель и проблема реальной диалектики» позволила Н. Гартману сформулировать свои аргументы в критике гегелевской философии, в первую очередь — гегелевской диалектики. Философия Гегеля рассматривалась им как феноменология, эта точка зрения закономерно образом аргументировалась обращением к «Феноменология духа», но диалектическая составляющая гегелевской философии и интерес к категориальному анализу позволили высказать гипотезу об особой значимости «Науки логики» для обоснования реалистической онтологии. Показательно для данной работы, что одним из оппонентов выдвигаемой Гартманом

© ЕКАТЕРИНА АНАНИЕВА, 2019

философской программы была избрана марксистская трактовка гегелевской диалектики. Эта последняя также оценивалась Гартманом как реалистическая философия. Полемика с марксизмом дала повод выйти в категориальном анализе за пределы философии природы в сферу социального и проследить преемственность выдвигаемых Гартманом философских посылок применительно к различным регионам сущего.

Ключевые слова: Феноменология, реалистическая диалектика, категории, онтология, Гегель, марксизм.

THE PREFACE TO THE TRANSLATION OF N. HARTMANN'S ARTICLE "HEGEL AND THE PROBLEM OF REAL DIALECTICS"

EKATERINA ANANIEVA

PhD in Philosophy, Senior Lecturer.
St Petersburg State University, Institute of Philosophy.
199034 St Petersburg, Russia.
E-mail: e.ananeva@spbu.ru

The article by German philosopher of first half of XX century N. Hartmann gives an idea about his position in the contra-opposition of leading realistic philosophic projects of both XIX and XX centuries. Brought up in neokantian tradition of Marburg's school N. Hartmann yet in his early works (*Über das Seinsproblem in der griechischen Philosophie vor Plato* and *Des Proklus Diadochus philosophische Anfangsgründe der Mathematik*) showed his interest by ontology problematic and chose the hard way of polemic and even contra-opposition towards the school which had brought him up. The reasons for such his position were explained in his works published in 1920-1930. The project of "new ontology" polemically targeted not only gnoseologism of neokantian tradition, but also viewed development of phenomenological philosophy in a different way. As one of early strong points of this conception Hartmann chose contra-opposition of logical and ontological reality. Later to this he jointed his interest for categorical analysis and to apriorism. That is why categories of ontology turned out to be most primordial points of proclaimed theory. His article "Gegel and the Problem of Real Dialectic" published for the first time in 1935 in *Blatter für Deutsche Philosophie* allowed N. Hartmann settled his reasons for critic of Hegel's philosophy, first of all, of Hegel's dialectic. His called Hegel's philosophy like phenomenology and this his point of view was naturally argued by Hegel's interest towards "Phenomenology of Spirit," but dialectical component of Hegel's philosophy, as well as interest for categorical analysis allowed Hartmann advance hypothesis about a special significance of "Science of Logic" for giving ground for a realistic ontology. Significantly for that work, as one of opponents of his philosophic program Hartmann chose marxist explanation of Hegel's philosophy. The latter was also considered by Hartmann as realistic philosophy. This polemics with marxism let go beyond the philosophy of nature into the area of social and follow up a succession of prerequisites advanced by Hartmann in conformity with of different parts of being.

Key words: Phenomenology, realistic dialectics, categories, ontology, Hegel, Marxism.

Философия Николая Гартмана — выразительный пример того, что внимание и забвение чередуются в рецепции даже самых ярких философских начинаний. Феноменологическая трактовка новаций Гартмана располагается в интервале между признанием немецкого мыслителя крупнейшей фигурой, второй по значимости сразу после Гуссерля, и сомнением в возможности считать его продолжателем феноменологической программы. В таком случае акцент делается на том, что его философские начинания далеко уведут за пределы феноменологического проекта. Проще всего было бы признать за Гартманом открытие совершенно особого пути в философии, но подобная характеристика рождает лишь номинации, удобные для преподавания истории философии, а не стимулирует интерес к истокам этого замысла.

Обозревая исследовательскую литературу, посвященную Николаю Гартману, мы можем видеть не только четкое распределение тематического интереса и исследований по границам определенных философских школ и направлений. Отчетливо видны также всплески числа публикаций, посвященных этому мыслителю. Такими точками максимума, наиболее близкими времени формулировки основных положений его философской программы, являются 30-40-е годы. Это период активного участия Гартмана в международной научной жизни, прежде всего в философских конгрессах, что привлекает внимание к его идеям и открывает широкую и интересную дискуссию среди единомышленников и оппонентов.

Вторая точка максимума приходится на годы издания собрания сочинений Гартмана в 50-е годы. При этом написанные ранее работы, в том числе журнальные публикации, открываются перед читающей публикой в их взаимосвязи и целостности заявляемой концепции. Оценка движения философского развития Гартмана в сторону онтологии при этом сопоставляется не только с учением о бытии античной философской мысли или метафизическими системами, — сам Гартман, например, дает основание для сравнения его с Хр. Вольфом. Но кроме этого нельзя не заметить, что на философском небосводе середины XX века уже клонится к закату созвездие экзистенциализма и вспыхивают зарницы будущего увлечения ницшеанским учением о Ничто — предвестники будущего постмодерна. Поэтому привычным для этого времени сопоставлением для обозначения границ гартмановского онтологического проекта оказываются Сартр и Камю, интерпретаторам представляется, что «...бытие у Гартмана, лишенное смысла и не знающее единства, напоминает Ничто экзистенциальной философии» (Kuhn, 1951, 297),

и «...именно в этом состоит его значение сегодня...Он не является рационалистом, как его предшественники в эпоху Просвещения. Иррациональное особо подчеркивается и признается им» (Schilling, 1951, 552).

Однако в исследованиях последнего десятилетия мы видим готовность поставить под сомнение и более очевидные схемы эволюции взглядов немецкого мыслителя: «краткая формула “от неокантианства через феноменологию к онтологии” [...] неверна, потому что она предполагает, что феноменология сыграла решающую роль в его дистанцировании от неокантианства», что не подтверждается исследованием источников и не учитывает «более сложную картину его философского развития» (Morgernstern, 2013, 3), на что указывают его ранние работы первого и второго десятилетия XX века.

Вслед за всплеском интереса в 50-е годы наступает период угасания интереса к немецкому мыслителю, так что публикации нулевых годов двадцать первого столетия активно пользуются метафорой «забытого гения», когда открывают для себя немецкого мыслителя из перспективы современных когнитивных исследований или натуралистических концепций сознания. Новые вызовы, парадоксальным образом отрицающие метафизические программы и формулирующие запрос на них чуть ли не в одном и том же философском жесте, снова вернули философию Николая Гартмана в зону интереса новейших дискуссий. Выразительными примерами таких работ можно назвать издания последних лет (Peterson & Poli, 2016; Poli, Scognamiglio & Tremblay, 2011).

Предлагаемая в русском переводе статья, в которой Николай Гартман проверяет свою аргументацию в противостоянии с философской системой Гегеля, позволяет прояснить искомые основания философского проекта Гартмана.

Обращение к философии Гегеля таит в себе еще одну коллизию, можно сказать — герменевтическую. Она состоит в русской предыстории марбургской истории философского становления молодого ученого. Из знакомства с основными фактами биографии Николая Гартмана мы знаем, что первым философским образованием немецкого мыслителя были четыре семестра, проведенных в аудиториях Санкт-Петербургского университета. Среди учителей Гартмана при этом упоминают самые яркие фигуры русской академической философской традиции — Александра Введенского, Николая Лосского, Ивана Лапшина. Но не менее интересна история участия молодого Гартмана в студенческих объединениях, связанных интересом к марксизму. Указывается при этом на то, что уже в годы обучения в Санкт-Петербурге он открыл для себя

философию Людвиг Фейербаха, а философские сочинения Гегеля вполне возможно оказались в зоне его интереса в качестве еще одного источника марксистской философии (Harich & Morgenstern, 2004, 2). Как ни мало доступно фактической информации для таких далеко идущих параллелей, можно уверенно констатировать, что к гегельянству он пришел иным путем, чем немецкое неогегельянство, и спорил со своими оппонентами, полагая самым значимым сочинением в творчестве Гегеля «Науку логики» (Harich & Morgenstern, 2004, 2). Но было бы слишком сильным преувеличением считать, что именно марксистский горизонт задал общее направление философского интереса Гартмана.

О формировании исследовательской программы вокруг проблематики бытия свидетельствуют уже диссертация Н.Гартмана и его габилитационное исследование. (Hartmann, 1908, 1909). Но понятие бытия оказывается представленным в перспективе исторической изменчивости трактовки этого понятия. История науки о физическом мире, по мысли Гартмана, маркирует тенденцию объяснять природный мир, а не предпосылать объяснению фактически данное. Поэтому обратная предпосылка — принцип принятия фактически данного, обоснование программы феноменологии, представляет по мысли Гартмана философский переворот исторической значимости. Естествензнание под данным понимает не то, что собственно дано, но то, что будет использовано естественными науками как сырой фактический материал. Задача науки, таким образом, состоит не в открытии действительно данного, а в том, чтобы обнаружить то, что не дано в данном и стоит за этим данным, — в том, чтобы в качестве коррелята объясняющей теории смоделировать гипотетические «элементы мира». А затем в обратном движении «...мир реконструируется из этих элементов, “объясняется”». Научно освоение мира означает создание мира из элементов и поиск законов связи между этими элементами» (Landmann, 1943, 394). Следовательно, естественно-научная концепция мира, теоретико-познавательное отношение к миру, в противоположность донаучному опыту действительного, совсем не представляет собой того, что есть, поскольку деформирует его под цели объяснения. Поэтому Гартман вслед за Гуссерлем, обращается к логической проблематике и прослеживает, как принцип описания данного взамен формулирования фундаментальных теорий сущего меняет категории логики. Интерес к философии Хр. Вольфа определяет имя заявляемого проекта — «новой онтологии». Специфика данного подхода формулируется в критике онтологии немецкого идеализма. Ограниченность этой

прежней идеологии вырастает, по мысли Гартмана, из произвольного ограничения данного в подчинении его некритично принятым метафизическим теориям.

Поэтому в исследовании гегелевской философии в фокус интереса Гартмана попадают метафизические основания его учения о бытии, реализованные в философии духа. Диалектическая логика Гегеля как реальная диалектика, ограниченная спекулятивными предпосылками, последовательно противопоставляется искомому Гартманом подходу: «Говоря о предшественниках онтологии в новое время, Гартман уделяет большое внимание онтологии Гегеля, которую считает гениальной, но половинчатой, как все спекулятивные системы» (Gornstein, 1969, 18).

В чем, по мысли Гартмана, должна проявиться такая неверно принятая исходная позиция? Фактически данное нуждается в переосмыслении инструментов логического анализа. Так называемые «законы логики», прежде всего закон противоречия, могут быть поняты как универсальные только в том случае, если в метафизических предпосылках такой логики запрограммировано единое как привилегированный вид сущего. Для низвержения этой предпосылки недостаточно формальной логике противопоставить логику диалектическую.

Философия кантианского типа и послекантианский идеализм ориентированы на понятие опыта как одну из главных предпосылок трансцендентализма. Логика должна предъявить адекватные инструменты для этой программы. Гартман показывает, что априори трансцендентальной философии может быть поставлено под сомнение — не только в обосновании опыта естествознания, но и опыта в практической сфере. Поэтому к проекту «новой онтологии» и категориального анализа примыкают исследования в этической сфере и проблематизация проекта философской антропологии. В программе феноменологии, по мысли Гартмана, ощущается существенный крен в сторону методологического аспекта описания феномена. «Феноменология, безусловно, является методом онтологии. Однако это просто метод. Он полностью поглощен разработкой и защитой метода, и в основном он является способом, которым он действовал» (Landmann, 1943, 396). Избегая трактовки новой онтологии как методологического проекта, Гартман предпочитает говорить о проблемной ситуации, полагая что выбор метода должен быть осуществлен из множества возможных методов. Наличие универсального метода Гартман решительно отрицает, а выбор подходящего методологического инструмента

из многообразия исторически предъявленных методов невозможно осуществить заранее, исходя из какой бы то ни было метафизической предпосылки. Употребляя в полемическом ключе понятие реальной диалектики в споре с диалектикой Гегеля, Николай Гартман разделяет мнение своих коллег и в некотором смысле единомышленников по феноменологическому движению — М. Хайдеггера и М. Шелера — о продуктивности исследования отчужденных форм представления действительности. В этом смысле все они противостоят гуссерлевой программе поиска свободных от «психологических» привнесений эйдетических структур. Гартманн выводит из этого движения те же следствия, что М. Шелер в его исследовании форм ressentimentа: универсализация и формализм в философии рождает отчужденные формы, нигилистические феномены, как назвал бы их Фр. Ницше.

Критика «психологизма», последовательное выведение психической жизни как предмета анализа за границы философии как «строгой науки», приводит, по мысли Гартмана к деформации предметных границ в науках о жизни. Эти деформации не компенсируются реалистическими (редуктивно-материалистическими концепциями). В критике психологизма психическая жизнь редуцируется до органической функции; теряет свое содержательное многообразие понятие деятельности. Выход из этой негативной ситуации Гартман видит в обращении к проблематике априоризма. Его построения в этом направлении пересекаются с замыслом материальной этики ценностей М. Шелера.

Соображение об универсальности ценностных предпочтений, некоей аналогии дедуктивного вывода из безусловно значимого к единичному случаю опровергается в проектах Шелера и Гартмана указанием на возможность вывода регулятива из единичного случая и из фактического положения дел, которое зачастую опровергает, а не подтверждает норму. Гартман показывает, что в ссылке на индуктивный и дедуктивный выводы философские программы, как правило, переоценивают значение этих логических инструментов. «Дедукция может только субсумировать, индукция — только приводить к общему, анализ — только прояснять, эксплицировать; все они ограничены несколькими основными схемами мысли. И они всегда предполагают главное, — фактическое предъявление объекта» (Hartmann, 1957, 326). Поэтому реальная логика, которую Гартман в данной работе представляет как диалектику, должна быть замкнута не на научные нормы, а на факты. Способ данности фактических данных должен быть различен для разных регионов сущего

(разных «слоев», в терминологии Гартмана). Для сферы духа, к которой привлечено особое внимание в переводимой работе, важной составляющей описания фактически данного является свобода и индивидуальность. В этой связи новое звучание получают привычные для классической философской рефлексии понятия возможности и действительности, свободы и необходимости. Гартман широко пользуется, в том числе в публикуемой статье о реальной диалектике, понятием модальности. По замыслу Гартмана, его реальная диалектика оппонирует теориям познания неокантианского и позитивистского толка. Гартман показывает, что отказ от реального в пользу формально-всеобщего не только ставит под вопрос возможность отличить истинное высказывание от неистинного, но и рождает вырожденные формы познания, которое, теряя свой предмет, перестает быть познанием.

Неметафизический проект «реальной диалектики» делает начинания Гартмана не только продуктивными для традиционных предметных областей философского знания. Работы последних лет показывают интересные параллели его идей с современными аналитическими концепциями сознания (Tengelyi, 2012; Wunsch, 2012).

REFERENCES

- Gornstein, T. N. (1969). *Filosofia Nicolaja Gartmana (Kriticheskiy analiz osnovnykh problem ontologii)* [N. Hartmann's Philosophy (Critical Analysis of the Main Problems of Ontology)]. Leningrad: Nauka. (in Russian).
- Harich, W., & Morgenstern, M. (Eds.). (2004). *Nicolai Hartmann — Größe und Grenzen. Versuch einer marxistischen Selbstverständigung*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- Hartmann, N. (1957). *Abhandlungen zur Philosophie-Geschichte*. In *Kleinere Schriften, Bd.II* (323-346). Berlin: Walter de Gruyter.
- Hartmann, N. (1908). *Über das Seinsproblem in der griechischen Philosophie vor Plato* (Unpublished Doctoral Thesis). Universität Marburg, Germany.
- Hartmann, N. (1909). *Des Proklus Diadochus philosophische Anfangsgründe der Mathematik*. Gießen: Töpelmann.
- Kuhn, H. (1951). Nicolai Hartmann's Ontology. *The Philosophical Quarterly*, 1(4), 289-318.
- Landmann, M. (1943). Nicolai Hartmann and Phenomenology. *Philosophy and Phenomenological Research*, 3(4), 393-423.
- Morgenstern, M. (2013). Vom Idealismus zur realistische Ontologie. Das Frühwerk Nicolai Hartmanns. *Philosophia*, 5, 3-35.
- Peterson, K. R., & Poli, R. (Eds.). (2016). *New Research on the Philosophy of Nicolai Hartmann*. Berlin: De Gruyter.
- Poli, R., Scognamiglio, C., & Tremblay, F. (Eds.). (2011). *The Philosophy of Nicolai Hartmann*. Berlin: De Gruyter.
- Schilling, K. (1951). Bemerkungen zu Nicolai Hartmanns Ontologie. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*, Vol. 39, 4, 533-555.

- Tengelyi, L. (2012). Nicolai Hartmanns Metaphysik der Freiheit. In G. Hartung, M. Wunsch, & C. Strube (Eds.), *Von der Systemphilosophie zur systematischen Philosophie — Nicolai Hartmann (277-297)*. Berlin–Boston: de Gruyter.
- Wunsch, M. (2012). Kategoriale Gesetze. Zur systematischen Bedeutung Nicolai Hartmanns für die moderne philosophische Anthropologie und die gegenwärtige Philosophie der Person. In G. Hartung, M. Wunsch, & C. Strube (Eds.), *Von der Systemphilosophie zur systematischen Philosophie — Nicolai Hartmann (153-171)*. Berlin–Boston: de Gruyter.